

Лев Голубев-Качура

ИНОПЛАНЕТЯНЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Лев Голубев-Качура

Инопланетяне. Приключения

«Издательские решения»

Голубев-Качура Л.

Инопланетяне. Приключения / Л. Голубев-Качура —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933345-2

Если рассматривать окружающую нас природу в глобальном масштабе, то она живёт по своим, присущим только ей, Законам. Изменить человеку не может. Он может только уничтожить её! Лев Голубев-Качура

ISBN 978-5-44-933345-2

© Голубев-Качура Л.
© Издательские решения

Содержание

ИНОПЛАНЕТЯНЕ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Инопланетяне Приключения

Лев Голубев-Качура

© Лев Голубев-Качура, 2018

ISBN 978-5-4493-3345-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИНОПЛАНЕТЯНЕ

*Всё, что можно сделать с крысой, можно сделать и с человеком.
А с крысой мы можем сделать почти всё.*

Брюс Стерлинг.

Я летел домой из Венгрии. Вернее, в самолёт я сел в аэропорту Будапешта, после недельного пребывания в гостях у моего закадычного друга, Иштвана Хорвата. Он сейчас живёт в небольшом городке под странным для меня названием – Печ.

Я, в середине 70-х годов, был в Венгрии (посчастливилось с рабочей командировкой). Но и сейчас я с удовольствием принял приглашение друга. Хотелось вновь полюбоваться на красоты Будапешта, Дуная, посетить церковь святого Матиаша и базилику святого Иштвана. Пройтись по площади Героев.

Иштван, для полного моего удовольствия, свозил меня на Балатон, а заодно мы съездили искупаться в Сеченьи. Правду говоря, раньше было лучше в купальне – не столько народу было. Ну, и напоследок, уже перед обратной поездкой в Будапешт, мы съездили в Секешфехерваре, где я вновь любовался на замок Бори, и на ворота завода по производству Икарусов. Дальше меня не пустили. И уж, конечно, не мог я покинуть Венгрию и её гостеприимный народ без посещения дворца Эстерхази в Фертёде. Красота! Но, думаю, наши дворцы и парки С-Петербурга не хуже будут!

Всё-таки хорошо встретить старого друга через столько лет! Я же с ним познакомился..., где-то... в.... Да, именно тогда, когда был с группой товарищей в командировке от нашей организации. Да, да, именно в то время я с ним и познакомился на заводе по производству автобусов «Икарус». Он (мой друг) мне понравился своей простотой в обращении и профессионализмом – настоящий мастер своего дела, и патриот завода. Мне такие люди нравятся.

К нему-то я и летал в гости по приглашению. Он знал, что я пишу книги, и ему хотелось, чтобы я написал о нём и его семье (в его биографии нашлись какие-то древние родственники). Я ему объяснил, что я не биограф и, тем более, не историк, и не могу быть ему полезен. Что нужно сначала обратиться в госархив, и что только после всех мытарств (не знаю, как у них, а у нас это проблема) договориться с человеком в Венгрии, который согласился бы на такую работу.

Весь наш разговор, по обычаю, сопровождался возлияниями Токайского. Надеюсь, Иштван не обиделся на мой отказ, потому что ни в его поведении, ни в обращении ничего не изменилось. Он всё так же был мягок, вежлив и гостеприимен. Хороший человек!

* * *

Самолёт, набрав высоту, совершил прощальный круг над городом и направился в сторону Москвы. В салоне было тихо и уютно. Стюардессы ещё не начали разносить прохладительные напитки, а пассажиры отдыхали от предпосадочной суеты. Откуда-то с задних кресел, изредка, доносился тихий шелест разговора о пребывании в Будапеште, и о прощании с близкими и родными.

Опустив спинку кресла и расположившись в нём поудобнее, я закрыл глаза, чтобы часик-полтора вздремнуть. Не знаю, как кто, а я люблю подремать под ровный гул моторов, тем более что в воздухе мы пробудем часов пять.

Говорят, что писателя или журналиста хлебом не корми, чтобы он не начал выпытывать разные подробности жизни у сидящего рядом человека, но у меня почему-то не так. Как только я усаживаюсь в кресло самолёта, так меня сразу же начинает клонить в сон. Наверное, организм мой так устроен, не иначе. А то бы с чего такая сонливость?

Проснулся я от женского, мелодичного голоса, предлагавшего лёгкий завтрак и напитки. Открыв глаза, я увидел: тележка стоит почти рядом с моим креслом, и миловидная блондинка-стюардесса держит в руках разнос. Где только они таких красавиц находят? – непроизвольно подумал я, устанавливая столик в «рабочее положение» и принимаясь за еду.

Я ещё не закончил есть, как радио, голосом, наверное, командира корабля или второго пилота, рубленными фразами заговорило: «Уважаемые пассажиры. Мы входим в густую облачность. Возможна небольшая тряска. Просим не волноваться. Командир корабля приносит свои извинения».

Не успел я осознать последние слова предупреждения, как в салоне слегка потемнело, а затем включилось освещение. Стало, как-то по-домашнему уютно, но ненадолго. Лампочки, через минуту или две, заморгали, а затем и вовсе погасли. В салоне стало почему-то очень темно. Мне даже показалось, что темнота приобрела какое-то осязаемое свойство, что ли. Вроде бы самолёт, вернее, мы вместе с самолётом попали в какую-то непривычную для тела окружающую среду. Затем, наш самолёт внушительно тряхнуло. Из темноты салона послышались несколько разноголосых испуганных вскриков, типа – «Ой! Ой, что это? Ой, мы не падаем?». И вновь наступила тишина... , какая-то неестественная тишина, решил я.

В темноте салона не слышалось испуганного дыхания пассажиров, не раздавался равномерный гул работающих двигателей, и командир почему-то не говорил ни слова, словно я оказался один-одинёшенек в пустом самолёте, и в кромешной темноте... Я даже руку поднёс к лицу, чтобы увидеть её, но, увы! Какая-то мрачная, тяжёлая, я бы даже сказал, густая, как растопленная смола, темнота окружала меня...

Я испугался! Я очень испугался: от непонятого отсутствия пассажиров летевших со мной, от окружившей меня непроницаемой темноты и, вообще, от отсутствия в моём окружении чего-то живого, что ли. Я словно находился в безмерном, непроницаемом для глаз, совершенно пустом пространстве! Чертовщина какая-то, решил я. Эй! – есть кто-нибудь, отзовитесь, – негромко позвал я.

* * *

– Николай Степанович, Борт №742 куда-то исчез с экрана локатора, – повернув голову в сторону, сидевшего за своим столом, старшего смены, испуганно прошептал дежурный диспетчер.

– Ты, что! – грозно рявкнул старший, – опять потерял самолёт, да? Нет, Савушкин, давно тебя надо гнать из диспетчеров, давно! Ты, словно бельмо в здоровом глазу для нашего коллектива! Вечно с тобой...

– Да, нет же, Ник Степыч, я правду говорю – пропал борт! – взволнованно перебил монолог старшего смены, Савушкин. И обиженно добавил – не пил я вчера, ей богу не пил, кем хотите поклянусь!

– Господи, вот наказание-то на мою седую голову. Ведь ты, Савушкин, меня раньше времени в гроб загонишь, не доживу я до пенсии, – медленно поднимаясь со своего места, проворчал Николай Степанович. Прошлую смену ты борта перепутал..., сегодня вообще самолёт потерял...

– Да не терял я его, Николай Степанович! Он сам куда-то потерялся, – прошептал бледный, со взъерошенными волосами на голове, Савушкин, подошедшему начальнику. Я его всё время внимательно и осторожно вёл, он же пассажирский...

– Заткнись! – рявкнул старший диспетчер.

...я его от самой границы веду, продолжал трясущийся, и уже совершенно весь в поту от предчувствия сурового наказания, Савушкин, я его...

– Господи, да покажи ты, где его потерял! – заорал Николай Степанович, нависая над провинившимся диспетчером, – хватит ныть!

Картушка экрана дисплея светилась ровным голубоватым светом. На ней были видны пронумерованные точки расположения нескольких самолётов. Точки были в постоянном движении – одни приближались к центру экрана, другие удалялись, но все они двигались по разрешённым им траекториям.

Окинув быстрым, опытным взглядом экран, и не найдя на нём борт №742 начальник смены схватил микрофон и, отдельно и чётко произнёс:

– Борт №742, борт №742 ответьте! Вы слышите меня борт №742?

Подождав несколько секунд и не получив ответа, он вновь заговорил:

– Борт №742 ответь башне. Башня ждёт ответа. Виктор Иванович ответь, что у тебя случилось? Почему не отвечаешь Виктор Иванович?

Самолёт не отвечал. Не отвечал, словно его никогда и не было.

– Савушкин, включи громкую связь с экипажами самолётов в твоём квадрате, – приказал Николай Степанович. – Гаврилов, прекращай отдыхать, дай мне карту полётов в квадрате 53117, и не забудь синоптическую карту!

– Я и без карты знаю, – попытался вклиниться в распоряжения начальника Савушкин...

– Ну, говори!

– Самолёт приближался к грозовому циклону...

– Так почему же ты не предупредил экипаж, и не изменил им маршрут?! – рассвирепел начальник смены.

– Я всё сделал по инструкции.

– По инструкции он сделал... Где же тогда самолёт, а?! – продолжая пылать гневом, прокрипел зубами Николай Степанович. Шляпа ты, Савушкин. Пошёл вон, идиот! Я отстраняю тебя от дежурства! – Гаврилов, хватит копать, принимай борта у этого недотёпы!

– Так у меня своих пять бортов..., – попытался возразить попавший под горячую руку начальника, работавший за расположенным рядом монитором, молодой диспетчер.

– Ничего, справишься! Расспустились! – Петрович, включил громкую связь? – спросил старший диспетчер у своего помощника.

– Да.

По диспетчерской и в эфире разнеслось:

– Всем экипажам, находящимся в квадрате 53117, слушать внимательно. Кто визуально видит пассажирский борт №742, или видел его до входа в грозовые облака, ответьте... Повторю – кто видит, или видел пассажирский борт №742 – ответьте...

* * *

Тараща глаза в темноте и хаотично водя руками, я попытался нащупать хоть что-то, что может находиться рядом со мной. Но вокруг ничего! Совершенно ничего! Пустота и темнота!

Я решил подняться с кресла и обследовать пространство вокруг себя. Ноо..., оказывается я не в авиационном кресле, я... си... дел на какой-то ровной поверхности, что ли! Ощупав то, на чём я сидел, почти понял... Что-то вроде пола. Странно! Но..., как я умудрился на нём оказаться? Не понимаю. Ни-че-го не понимаю.

Я продолжал сидеть в темноте и растерянно «хлопать глазами». Посидев так некоторое время, я всё же, правда, с трудом, решился на некоторые активные действия. Пришлось подняться.

Осторожно, боясь упасть или удариться обо что-нибудь в темноте, я, вытянув перед собой руки, осторожно сделал шаг, затем, другой. Ни-че-го, и ни-ко-го!

Да, что же это? – в совершенной растерянности прошептал я, и, сделав ещё несколько осторожных шагов, неожиданно упёрся в какое-то препятствие.

Под пальцами рук, мелко-мелко дрожа, оказалось какое-то, чуть тепловатое на ощуп, но твёрдое, непонятно что. Прижимая пальцы к этому, непонятному, я стал на корточки, затем,

опустил руки до самого низа и двинулся, делая по половине осторожного шага, вдоль этого, непонятного. Дойдя до соединения ЭТОГО с другим таким же ЭТИМ, но под прямым углом, я выпрямился и, не отрывая пальцев рук от Этого, пошёл дальше. Продолжая движение, я неожиданно сообразил, что непроизвольно обследую ЭТО. Продолжая прижимать пальцы к дрожащей тёплой поверхности, я сделал не менее сотни шагов и... остановился.

Дальше продолжать обследование не имело смысла – четыре угла, четыре стены. Я вдруг понял, что нахожусь в каком-то, неизвестном мне, помещении, и в нём нет ни дверей, ни окон, нет хоть маломальской щёлочки. Я замурован в нём! Кем? Кем я замурован, и зачем? И ещё один вопрос встревожил моё, начинающее меркнуть, сознание – за что?!

Очнулся я непонятно через какое время: может минута прошла, может час, а возможно и через несколько часов, не знаю. Но первой моей мыслью было, что я один, неизвестно где, и как же моя семья? Они-то ждут моего возвращения, я даже номер рейса скинул им по СМСке. Кошмар! А уж потом я подумал – долго ли я буду находиться взаперти и в темноте. Должен же кто-то проведать меня и объяснить, что произошло с самолётом и пассажирами, и... со мной, конечно.

Но ещё долго я находился в одиночестве. Сколько? Не знаю. Мои внутренние часы говорили о не менее десяти часов, а потом и желудок затребовал своё. И я не выдержал!

Поднявшись с пола, я затарабанил по дрожавшей стене, сначала одним кулаком, а затем и двумя – всё сильнее и сильнее, всё отчаяннее. Тишина! Никто не открыл для меня дверь, никто не откликнулся, не прозвучало ни одного звука... Да, чтоб вас!!! – окончательно вышел я из себя. Выпустите меня немедленно, заорал я, совсем отчаявшись, иначе я не отвечаю за свои поступки!!! В ответ всё та же тишина!

Примостившись на корточки, и оперевшись спиной об стенку, я задумался. Как же мне поступить? Природа требовала своё всё сильнее и сильнее, и я решился... Но не успел я принять окончательную позу, как всё вокруг осветилось голубоватым мерцающим светом, и по всему помещению разнёсся механически смоделированный голос: «Сейчас вас проводят».

Куда? – промелькнула мысль у меня в голове. Но тут же и пропала, потому что противоположная стена поползла в сторону, и перед моим взором открылся широкий, ярко освещённый коридор.

– Идите по направлению синей полосы на полу, – услышал я всё тот же механический голос, – она приведёт в нужное вам помещение.

Я, нисколько не раздумывая, бросился, чуть ли не бегом, по синей полосе. Открывались ли передо мной двери или нет, попадались на моём пути другие помещения, или опять же нет – я не обратил внимания. Главное – я оказался там, где мне и надо было оказаться! И очень вовремя, честное слово!

* * *

Никуда я не ходил, ничего не включал и не выключал..., да я вообще ничего не трогал и ни к чему не прикасался, но вновь почему-то оказался в темноте и одиночестве! Да, где же это я нахожусь, чёрт побери! Где?

– Эй, вы, там! Объясните в конце-концов, что происходит! – вновь, уже окончательно рассвирепев, заорал я. Сколько можно держать меня в темноте и неведении! Объясните!

В ответ опять безмолвная тишина.

По моим расчётам я просидел в темноте и одиночестве дня два, а возможно и три. Как тут точно определишь, если нет чередования дней и ночей? Никак! Вот и я точно не знаю. Но думаю, что я не ошибся.

Наконец стена опять поползла в сторону и, уже привыкшие к сплошной темноте глаза, ослепил яркий свет. Я некоторое время сидел, зажмурившись, но в уши мне всё же проник механический голос:

– Встань! Иди за мной!

Медленно приоткрывая заслезившиеся глаза, я увидел перед собой кошмар...! Да, ещё какой кошмар! Хотя я и не верю ни в бога, ни в чёрта, но тут уж я не выдержал и прошептал: «Изыди нечистая сила прочь! Оставь меня в покое!» Но, чтоб ему провалиться, он не пропал и не рассеялся, словно туман под лёгким ветерком. Нет, кошмар всё так же, с металлом в голосе, произнёс: «Следуй за мной!» – и уставился на меня огромными фасетчатыми глазами.

– Кто ты? – испуганно прошептал я. Или мне всё это мерещится?

И, чтобы прогнать морок, я помахал перед глазами руками. Но оно стояло, чёрт возьми, и взгляд его становился всё страшнее, всё свирепее.

Пришлось подчиниться.

Следуя за моим, то ли провожатым, то ли конвоиром, по бесконечным коридорам, поворачивая то направо, то налево на пересечениях, и всё выше и выше поднимаясь по бесконечным лестницам, я пытался понять, где же я всё-таки нахожусь. Но, как ни старался, определить не смог.

Пройдя ещё по нескольким коридорам и пересечя анфиладу загромождённых какими-то механизмами помещений, мы пришли в огромный, уставленный какими-то приборами, мерцающими экранами, и мириадой разноцветных ламп, зал. За пультами сидели и стояли, похожие на моего конвоира страшилища, и что-то там включали и выключали, регулировали и записывали. Я в изумлении остановился, но меня кто-то грубо толкнул в спину, и мне пришлось, чтобы не упасть от толчка, проследовать дальше.

Наконец последовал приказ: «Стоять!»

Я оказался прямо напротив, по-видимому, главного страшилища.

Он стоял передо мной, впериw в меня свой взгляд, и рассматривал, словно я был для него каким неодоушевлённым экспонатом. У меня, хотя я и был, насколько я понял, пленником этих уродов, проснулось чувство собственного достоинства, что ли. И я, не опуская взгляда, спросил:

– Вы кто? Что вам от меня надо?

Не отвечая, это существо продолжало меня разглядывать.

Так мы и стояли – я, не понимая, что им от меня надо, а оно не отвечая, но продолжая разглядывать меня.

И вдруг я неожиданно увидел – у него в глазах, словно в компьютере, начали пробегать какие-то формулы и расчёты. Он, словно прибором обследовал меня на предмет... Я побоялся даже представить себе, на какой предмет!

Затем, что-то начало твориться в моей голове. В ней, словно муравьи забегали. Её словно проверяли на количество извилин в мозгу и их наполненность. Я никогда даже представить себе не мог, что это возможно, но это факт – меня проверяли на умственное развитие! Чертовщина какая-то, подумал я, и помотал головой, словно лошадь, отгоняющая слепней. Ну, дела... К кому это я попал? Не приведи господь они людоеды..., и меня передёрнуло, как от озноба.

Я стоял перед этим... Да ведь это же..., меня словно током ударило! Да, меня пронзила достаточно нелепая, а возможно даже абсурдная, мысль – передо мной..., я в плену у... инопланетян! Эти уроды инопланетяне? ИНОПЛАНЕТЯНЕ... ахнул я, про себя конечно. Вот это я влип, так влип! Ничего себе поворотики жизни!

Любопытно, я сам об этом догадался, или мне подсказали эти... лупоглазые? По физиономии (назвать лицом у меня язык бы не повернулся) разглядывающего меня существа, пробежало что-то похожее на судорогу, и в моей голове прозвучало что-то похожее на «ха-ха». А затем:

– Ну, наконец-то догадался. Ох, и тугодумное же ты существо. А мне товарищи доложили, что ты один из достаточно развитых. Или... мои люди ошиблись?

Люди...?! Я не ослышался? Этот сказал – люди! Я ошарашено захлопал глазами. Этот, что, совсем больной на всю голову? Нет, ну надо же – они люди! А кто же я тогда?

Ты низшее, недоразвитое существо – категорично прозвучало у меня в голове.

Не знаю почему, но меня неожиданно схватили за руки оказавшиеся поблизости два урода и потащили в открывшуюся сбоку дверь. Я попытался сопротивляться, но... моих сил лишь хватило на лёгкое подёргивание. Здоровущие они оказались, сильные. В их хватке я почувствовал даже что-то железное. У нас есть выражение – железная, а возможно даже, стальная хватка. Так вот, у них и была такая – то ли железная, то ли стальная хватка.

Тащили они меня, вернее, несли, по коридору метров тридцать, затем, впахнули в какое-то ярко освещённое помещение, и дверь позади меня с тихим шелестом закрылась. Я оказался один среди...

* * *

Боже мой! Первое, что я увидел перед собой – были два..., тоже что ли, инопланетянина, только в коричневых, похожих на плащи, одеждах. Они, не произнеся ни звука, схватили меня под руки и потащили к стоящему у какого-то стола, креслу с ремнями и трубками...

От неожиданности и страха я задёргался в их лапах и завопил:

– Отпустите меня, уроды! Кто дал вам право так обращаться со мной? Кто?! Я гражданин...

Продолжать дёргаться и вопить мне не дали – мне попросту заткнули рот какой-то тряпкой и, мгновенно, усадив в кресло, защёлкнули замки. Я оказался пришпиленным к креслу, как бабочка у этого, как его, ну, который коллекционирует бабочек. Я знаю его название, только вот вспомню.... Но мне, честно говоря, было не до воспоминаний о каком-то лепидоптерофилите...

Видите, видите! В условиях угрожающих твоей жизни, все функции организма человека многократно убыстряются! То же произошло и со мной. Я же вспомнил этого.... Да, ну его к чертям собачьим! – вот привязался этот коллекционер ко мне, как репей к собачьему хвосту. Мне думать надо, как жизнь свою спасать, а не о разных там коллекционерах!

Но думать мне не дали! Подошёл ко мне (я его вначале даже не заметил) такой же, в плаще, уро... инопланетянин и, не долго сумняшеся, воткнул свой хобот в вену на моей руке.

Набрав полный хобот крови, он повернулся к столу и слил её в какую-то пробирку, затем, подставил под мою капаящую из вены кровь, какую-то прозрачную склянку.

Вот изверг! – возмутился я, но предотвратить кровозабирание не мог – я же был накрепко пристёгнут к креслу!

Пришёл я в себя лишь в своей тюрьме, правда, уже не в полной темноте, а при тусклом свете спрятанной в стене лампочки.

Живой... – замедленно подумал я, и хотел было встать на ноги, но, увы..., голова закружилась и, в полуобморочном состоянии, я плюхнулся на пол. По всему телу разлилась безграничная слабость.

Даа, так я долго не протяну, решил я, чуть оклемавшись от слабости и головокружения. Надо принимать меры... А, какие меры я мог принять, не зная, где нахожусь. У кого нахожусь в плену уже и ежу понятно, а не только мне. Значит, надо искать путь к бегству. А вопрос этот можно будет решить лишь после того, как я определю своё местоположение. Я же не могу быть уверенным, что это летающая тарелка... Я помню, как кто-то рассказывал, что инопланетяне с удобствами расположились под землёй, в старых, заброшенных шахтах или туннелях...

Вот и надо остороженько, но поспешая, пока меня до конца не укокошили эти зверюги, разузнать, где же мы находимся – в космосе, или под землёй. Если в космосе, то сбежать будет проблематично, а вот если в шахте или, скажем, туннеле на нашей матушке-земле, то...

* * *

Додумать я не успел, потому что опять пришли за мной. И куда торопятся, и куда торопятся, возмутился я, опять же про себя. Нет бы дать человеку восстановиться после кровопускания..., так я было подумал, но тут же мысленно зажал рот – они же, сволочи, мысли могут читать. Ой-ё-ёй, надо же так опростоволоситься! Придурок! Но, Слава богу, пронесло – то ли охранники не поняли меня, то ли..., а вдруг эти, охранники, не могут читать мысли, и разговаривать по-нашему не могут? Вот было бы здорово! Вдруг они.... Шальная мысль пронзила мой мозг! Попробую. И я решился на эксперимент.

Конечно, эксперимент – это громко сказано, но всё же – всё же я рискнул проверить – живые существа мои охранники, или же они роботы, неодушевлённые механизмы, просто выполняющие чьи-то команды...

– Эй, вы, придурки, куда это вы меня опять потащили? – крикнул я, и, напрягшись, приготовился получить солидного тумака.

Ничего не произошло, ни-че-го – они даже не обратили внимания на моё оскорбление. Они, как волокли меня, так и продолжили. Ни один сустав не дрогнул у них.

Роботы..., даже не био, а просто роботы..., бездушные механизмы..., и я воспрянул духом. Вот почему они чёрного цвета, а не коричневые, вот почему..., а я-то...

Значит, кроме нескольких живых существ (вот только как определить их) в помещениях находятся обыкновенные роботы.... Они всю работу выполняют, а те, коричневые..., а может я не прав, может у них совсем другое различие, и коричневые тоже...

Почему-то путь к кровопусканию оказался коротким. Я даже не успел закончить свою мысль, а меня уже ждал «коричневый», так я его окрестил, но совершенно в другом помещении.

– Ты будешь спать здесь, – проскрипел он, – это твоё помещение для жизни... пока в тебе есть надобность, – и, окинув меня изучающим взглядом, направился к двери.

За ним последовали и охранники, притащившие меня сюда.

В помещении, тускло освещённом, у стены стояла обыкновенная, ширпотребовская кровать с панцирной сеткой, а рядом с ней примостился небольшой стол.

Даа..., убогая мебель у инопланетян, даже как-то обиделся я, а говорят: технологии и электроника у них на высшем уровне, не чета нашим. Тоже мне ..., высокая цивилизация! Даже кровать современную не могут сделать... ино-пла-не-тя-не, протянул я с сарказмом и, завалившись на голую сетку, неожиданно крепко уснул.

Но и во сне разные мысли тревожили меня. То я бежал, а за мной гнались инопланетяне, то подходил к «Главному», и напрямую спрашивал его – ты живое существо, или робот... Короче, вроде бы спал крепко, а проснулся с гудящей головой – мысль о побеге была главной.

Как узнать, в космической тарелке я, или под землёй? И словно только этой мысли и ждал мой рассудок, как тут же, словно на экране ноутбука, появилась в голове мысль – надо выбраться из помещения и обследовать территорию! Ведь сколько раз меня выводили на разные там «процедуры», я не видел посторонних, в смысле других роботов, в коридорах. Значит, они настолько в себе уверены, что даже в мыслях не допускают совершение отсюда побега, и поэтому не поставили охранников в каждом коридоре. Дурачьё! – усмехнулся я, и даже позволил себе чуть улыбнуться.

Но тут же критическая мысль несколько охладила моё чувство превосходства над инопланетянами – в коридорах-то пусто, а вдруг у них в стенах или потолке спрятаны приборы видеонаблюдения, или установлены датчики движения? Как их обойти? Как не попасться, обмануть?

Что-то уж больно подозрительно отсутствие охраны. Как-бы не навлечь на свою голову ещё больших неприятностей...! Даа... положеньице.

Опять же, что, у меня отличное положение? Да, нет же! Я пленник, меня наверняка прикончат не сегодня, так завтра... Этот, кровопускатель, проговорился же, что я жив до тех пор, пока им нужен, а потом... Нет, бежать, только бежать!

Утвердившись в мысли о побеге, я принялся за её осуществление.

* * *

Прислушиваясь к тишине за дверью, я расстегнул поясной ремень и, сгибая и разгибая язычок пряжки, вытащил его. Затем, настала очередь дверному замку. Хоть и были у меня знания в радиоэлектронике, но не настолько обширные, чтобы сразу справиться с запором. Я, и так, и эдак к нему подлазил..., короче, в результате моих настойчивых непрофессиональных действий дым с него всё-таки пошёл, и дверь открылась. С ним я провозился часа два, и, как только дверь приоткрылась, мгновенно замер в тревожном ожидании.

Я присидел тихо, как мышка, примерно минут десять-пятнадцать, всё ждал оглушительного рёва сирены, или топота ног охраны. Но тишина всё так же окружала меня. Вытерев обильно катящийся пот с лица, я осторожно приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Тишина! Тишина царила вокруг! Ни сирен, ни звонков, ни топота ног! Я и коридор, и больше никого вокруг!

Убедившись в отсутствии близкой опасности, я, прижимаясь к стене, постоянно оглядываясь и настороженно ловя каждый возможный звук, двинулся по коридору. Сделав шагов около двадцати, я обратил внимание на чуть выпуклые контуры, похожего на небольшую заглушку, кусочка стены. Не будь я так внимательно-осторожен, я вероятно и не заметил бы этой погрешности в совершенно ровной поверхности, но...

От небольшого надавливания рукой (вероятно инстинкт сохранения жизни подсказал, а возможно и впитавшееся в кровь любопытство) выпуклость вдавилась в стену. А через мгновение на уровне моих коленей открылась небольшая дверка. Была, не была! – сказал я себе и, осторожно заглянул внутрь. Сердце моё учащённо забилося от радости, когда я увидел слабо освещённый прямоугольник колодца, с тянущейся вверх и вниз металлической крутой лестницей. Не размышляя, я нырнул в дверку и осторожно закрыл её за собой. И вовремя! За дверкой, в пустом уже коридоре, раздался залошанный трезвон, а затем и грохот множества сапог. Примчались роботы-охранники, сообразил я. Значит, какое-то наблюдение всё же велось. Не такие уж они дураки, укорил я себя за свою самоуверенность.

И я, ускоренным шагом, чередуя одну через две ступеньки, стал подниматься вверх. Почему вверх, а не вниз? Не знаю! Наверное, сказалась человеческая привычка, а может и инстинкт, что наверху тебя ждёт свобода и воздух. Короче, раздумывать, почему я помчался вверх, а не вниз, мне даже не пришло в голову. Я просто спасал свою жизнь!

А, позади меня уже протискивались в найденную мной дверку роботы и мчались за мной, и в голове у меня раздавались их крики и команды – «Он направляется к шлюзу!», «Пошлите пять солдат в седьмой шлюз и перекройте ему выход на верхнюю палубу!», и т. д. и т. п. Все-таки мыслеречь – это здорово! По звучавшим у меня в голове приказам и распоряжениям, я мог, худо-бедно, ориентироваться, и знал, где меня ожидают. И, главное, что я понял – я нахожусь на борту космического корабля, и спастись я могу только на шлюпке, космической шлюпке! Другого пути для меня нет, и не будет! Если меня поймают, то...

И я поднимался вверх. Пыхтя, хрипя, с подгибающимися ногами, и готовый вот-вот упасть, я всё же поднимался по лестнице! Наконец, наступил момент, когда я не смог сделать и шага. Привалившись к стене, я дал своему измученному телу небольшой отдых. Да, и шестое чувство подсказывало мне – дальше не пройти. Я загнан в угол! Все пути наверх

отрезаны! А снизу меня тоже догоняют! Я почувствовал себя загнанной в угол мышью... Всё, приплыли! – с горькой иронией констатировал я своё положение.

Пока я так «отдыхал», в голове у меня, словно росток злака, пробивалась какая-то мысль, или решение проблемы. Она зудела, тревожила, заставляла меня стонать словно от зубной боли, и..., пробилась! Почему, чтобы сбежать, я должен стремиться вверх? – спросил я себя. Ведь шлюзовые камеры могут быть и на нижних палубах корабля, а в них шлюпки, Почему бы, нет? Правда, я профан в устройстве кораблей, но... может же быть такое, чёрт побери! И я, опираясь руками о стену, поднялся, и вновь, правда, теперь уже медленнее, опять стал подниматься вверх, до следующего коридора. Спуститься вниз я не мог – меня догоняли чёрные роботы – их тяжёлый грохот сапог раздавался всё ближе и ближе. Собственно, мне уже нечего было терять, кроме своей жизни, конечно! Такая малость! – с иронией подумал я...

* * *

На моё счастье коридор был пуст, и я бросился бежать по нему, подальше от лестницы, подальше от погони! Но счастье моё было недолгим – пространство надо мной и с боков стали прошивать молнии лазерных лучей. По-видимому, погоня уже была близка. А тут ещё, только я хотел повернуть в боковое ответвление коридора, как навстречу мне, уже из него, показались два коричневых. И я, и они, остановились, наверное, от неожиданности встречи.

Но, как я и говорил, мне терять уже было нечего, и я, врезав одному по хоботу, повалил его, а другой так и стоял, удивлённо хлопая фасетчатыми глазами как объектив фотоаппарата.

В освободившееся пространство я ввернулся, словно штопор, и помчался по коридору прочь. Лучи лазеров преследователей, почему-то меня не задевая, прошивали пространство вокруг и ударились о стены и потолок. У меня даже проскочила шальная мысль – может им был дан приказ захватить меня живым?

Ага, как же, так я вам и дался! – продолжая бежать, прошептал я.

Дальше мой путь к свободе преградила металлическая дверь. Открыв её, я растерянно остановился. Помещение было заполнено различными механизмами и змеевиками. Они, шипели, попискивали, и даже погукивали. Среди этой какофонии звуков иногда, словно отмеряя определённые промежутки времени, раздавался тихий звон колокольчика, как у пишущей машинки в конце каждой строчки.

Это машинный зал, догадался я. Куда бежать дальше? Куда? Преследователи были совсем близко. Они даже стрелять в мою сторону перестали, вероятно, боясь повредить механизмы. Я заметался в поисках выхода. В какую бы сторону я не бросался, везде были механизмы с узкими проходами между ними, и ни одного выхода. Я попался, понял я, они загнали меня туда, куда хотели! Если бы я знал устройство корабля..., если бы я знал, с горечью подумал я, и поднял руки. У меня ещё хватило сил, чтобы пошутить – «Сдаюсь милорды», и добавить шёпотом – чтоб вы сдохли, паразиты.

* * *

Уже идя под конвоем обратно в камеру, мне почему-то неожиданно вспомнились свои последние слова, произнесённые шёпотом – «паразиты». Почему я сказал «паразиты»? И ответ сам пришёл ко мне. Да ведь они похожи на... тараканов, на огромных тараканов. А я-то мучался столько времени не понимая, отчего мне их облик кого-то напоминает. А оно, видишь, как получается!

Я думал, что меня отведут назад, в «обжитую» мной камеру, но нет. Мы шли по незнакомому мне коридору и, когда меня втолкнули в открывшуюся дверь какого-то помещения, то оказались перед расположенными в два ряда, клетками. В одну из них меня, как я не сопротивлялся, и затолкали. Даа..., с горечью констатировал я, поменял шило на мыло...

Воздух помещения был пропитан устойчивым запахом страха, ужаса и какой-то безысходности, я это сразу почувствовал, и содрогнулся от напавшей на меня тоски и отчаяния.

Роботы, заперев клетку, покинули помещение – я остался один на один, со своими, довольно не радостными, мыслями.

Другие клетки были пусты, и мне не с кем было поговорить, поделиться своими мыслями, или хотя бы пожаловаться на судьбу. С другой стороны, одиночество располагает к философствованию и ревизии своих действий, поступков, своей жизни. И вот тут-то ты и начинаешь анализировать, благо никто не мешает.

В жизни всякое может случиться – и хорошее и плохое. Чаще всего именно в условиях нежелательного одиночества, одиночества не по своей воле, наступает такой момент, когда человек решает, кто он – человек или амёба, когда ему приходится решать раз и навсегда – быть ему рабом своей судьбы, или её господином!

Такой момент наступил и для меня.

Мой неудачный побег показал, что справиться с инопланетянами не так-то просто, даже невозможно. Если бы я был не в космической тарелке, а на Земле, то хоть какая-то надежда на удачный побег могла быть – это раз. Далее, покориться и стать «кормушкой», или подопытным животным для них..., но это до тех пор, пока во мне есть нужда? А, затем? Затем, всё равно смерть! Какой путь выбрать? Прекратить борьбу и выбрать путь раба обстоятельств, или всё же попытаться совершить новый побег, даже если он и закончится смертью? Сложный выбор...

У любого живого существа заложен инстинкт самосохранения. Ему не хочется умирать, тем более рано, ему хочется жить и жить! Даже больное существо, находясь при смерти, цепляется за жизнь... Такова природа, и не нам менять её!

С такими мыслями я и провалился в короткий сон. А во сне я принял решение на новый побег. Проснувшись, я утвердился в принятом во сне решении! Сон был для меня вещим, что ли. Говорят же, во сне иногда приходят ответы на решения, на которые ты не находишь во время бодрствования.

Странно, как только у меня возникает мысль о побеге, так они, «тараканы», тут же приходят за мной и ведут «сдавать» кровь. Они, словно специально ослабляют меня, чтобы я не смог убежать. Может, они телепатически считывают мои мысли даже тогда, когда я сплю?

Так и сейчас, только я укрепился в мысли о новом побеге, как два охранника появились перед моей клеткой, открыли её и, грубо подхватив меня под руки, потащили к «кровососу».

Бежать, во что бы то ни стало бежать! – твердил я мысленно, смотря, как моя кровь капает в банку...

* * *

После «кровопускания», меня, совершенно ослабленного, роботы-охранники принесли назад и бросили в клетку. Закрыв дверку, они ушли.

Интересно, мне показалось, или это бред ослабленного организма – я не услышал щелчка запорного механизма! Полежав немного, пока перед глазами перестали летать чёрные мушки, не вставая, подполз к двери. И, всё так же, лёжа, попробовал осторожно открыть её. Иии..., она приоткрылась! Я замер, прислушиваясь – тишина!

Первой моей мыслью было сомнение, а правильно ли я поступаю, вдруг это ловушка? Затем, сомнение сменилось на осторожную радость – охранники, посчитав меня совершенно ослабленным после «сдачи» крови, посчитали ненужным запираеть дверь. И третья, более вероятная – халатность. Это ж не только у людей бывает недобросовестное отношение к своим обязанностям. Наверное, у всех живых существ бывает. Что, одни мы такие неполноценные, что ли?

Что ж, подумал я, сама судьба решила дать мне ещё один шанс. Так воспользуемся им, прошептал я, и решительно пополз из клетки! Затем, кое-как поднявшись на дрожащие от слабости ноги, преодолевая дурноту и мушки в глазах, медленно пошёл прочь, подальше от своей тюрьмы.

Пока мне везло – то ли охранная система была на профилактике, то ли инопланетяне решили, что я, слабый и обескровленный, не смогу убежать, то ли ещё по каким причинам, но воя сирен, трезвона и погони, не было. Я, медленно переставляя ноги и опираясь о стены руками, шёл по коридорам, спускался по каким-то лестницам (подниматься вверх у меня бы не хватило сил), и оказался, наверное, на самом нижнем ярусе. Дальше хода не было. Было только несколько круглых дверей, с чуть утопленными в стену кнопками сбоку.

Куда дальше? – замедленно подумал я, и нажал оказавшуюся перед моими глазами кнопку. Зашипев, дверь открылась, и мгновенно по всему коридору разнёсся громкий вой сирены.

От слабости, от продолжавшей кружиться головы, от сознания, что и этот шанс на побег, вероятно, уже последний в моей жизни, я безвозвратно потерял, я совершенно неосознанно заглянул внутрь помещения и увидел в нём что-то похожее на подводный батискаф.

Что ж, решил я, забираясь в люк и запираясь – запрусь, и пусть они меня выковыривают из него, как кильку из консервной банки. Мне уже всё осточертело! Я больше не в состоянии сопротивляться!

А по крышке люка уже тарабанили чем-то тяжёлым, но она пока держалась, и я был пока под защитой батискафа.

Сев за пульт управления, и окинув его взглядом, я обескуражено пробормотал: «Ну, и к чему понатыкали столько переключателей, кнопок и разноцветных лампочек? Чёрт в них ноги сломает, и нажал первую же попавшую мне под руку кнопку. На пульте заморгали и просто засветились с десятков огоньков, а внутри батискаф наполнился тихим жужжанием, словно улей ожил.

Ага, ехидно пробормотал я, ожил. Сейчас я ещё что-нибудь нажму, и нажал... сразу всей пятернёй, одновременно прошептав – «бог не выдаст, свинья не съест!» – и... мгновенно провалился в пустоту. От страха я заорал благим матом: «Твою мать! По-мо-ги-те!», и взлетел вверх, под потолок! Сильно ударившись всем телом, я потерял сознание. Сколько времени я находился в бессознательном состоянии, не знаю, но, очнувшись уже на полу, я вновь услышал удары по люку, правда, более слабые. И, как мне показалось, батискаф медленно покачивался, словно на волнах. Это от слабости меня качает, решил я, и вновь забрался в кресло.

По люку продолжали громко барабанить, правда, как-то интересно барабанить, словно азбукой Морзе что-то хотели сказать.

Ни за что не открою! Я же не совсем идиот, чтобы свою собственную смерть впускать! Уж лучше я в батискафе задохнусь от отсутствия воздуха, чем погибну от лап роботов-инопланетян! Фиг вы меня живым получите!

На этом бы, наверное, моя жизнь и прекратилась, если бы я не разобрал раздающиеся снаружи голоса, сказанные по-русски:

– Он или мёртвый, или без сознания.

А другой голос, словно бы предложил:

– Давай газосваркой люк вырежем. Надо же посмотреть, может там живой кто внутри.

Я даже онемел от неожиданности, а потом, как заору:

– Лю-ди...! Не надо, миленькие, резать! Я сам, я сам открою!!!

Преодолев сопротивление ослабленного невероятной усталостью и потерей крови, тела, повторяя, наверное, в десятый, а возможно и в сотый, раз «Не бросайте меня, подождите!», я добрался до люка и нажал на зелёную кнопку, что находилась рядом с красной. Почему я нажал на зелёную? Я просто решил, да и во всех научных трудах писалось, что зелёный цвет –

это цвет свободы! А я так рвался к ней, к Свободе, она мне так была нужна и желанна, что у меня даже мысли не возникло, что я могу ошибиться, что зелёная кнопка может служить и для других целей.

И я не ошибся!

Люк, зашипев рассерженной змеёй, резко откинулся наружу, и моему взору открылось, усеянное мириадами звёзд, ночное небо. А посередине всего этого великолепия, словно бабушкин блин, светила тысячевольтной лампой огромная, круглая луна. И свет её был настолько ярок, что казалась она не настоящей, какой-то неестественной.

Наполовину высунув голову наружу, я хотел оглядеться и определить, куда же это занесла меня нелёгкая, и что подлая судьба мне уготовила на этот раз? Я, после побега от «тараканов», а я всё-таки надеялся в душе, что сумел убежать от них, теперь всего опасался, и ничему, даже глазам своим, не всегда верил.

Но опасаться было нечего.

Протянув руки мне навстречу, чтобы помочь мне покинуть шлюпку, стояли трое или четверо, сразу-то я и не определил от волнения, людей в рабочих комбинезонах. Они настолько были рады моему появлению из люка, да ещё и живым, что улыбки доброжелательности и радости освещали их лица.

Уфф, вздохнул я облегчённо, и подал руки встречающим.

Через мгновение, с широкой, во всё лицо, улыбкой радости и счастья, я стоял на палубе космической шлюпки, и пожимал руки своим соплеменникам.

Прохладный воздух Родины ласково оведал моё тело, и мне было так хорошо, как никогда раньше ещё не было.

Ох, и натерпелся же я в плену у инопланетян, и вот наконец-то вдохнул воздуха Свободы, подумал я и, чуть не задыхаясь от любви к себе подобным, кинулся обнимать стоявшего напротив меня рабочего.

Повторяя «Родненькие вы мои, дорогие!», не считая кому и сколько раз, я пожимал руки всем подряд, и слёзы счастья текли по моим щекам.

Радость от встречи и обретённой Свободы захлёстывала меня, наполняла всего целиком, била через край!

Ослеплённый чувствами и непередаваемыми эмоциями, перевозбуждённый, я не знал, как выразить свои чувства соплеменникам, то есть, настоящим Homo sapiens, и поэтому не сразу обратил внимание на лица «освободителей». Они в какое-то мгновение нашей встречи потеряли своё первоначальное, радостное выражение, они постепенно начали изменяться!

Из радостных и приветливых в начале, они постепенно теряли свой первоначальный восторг, и обретали мрачное и угрюмое выражение. На лица их легла тень невысказанной застарелой боли, а глаза потускнели.

Мне бы спросить «Что с Вами?», но я не спросил. Я всё ещё был под впечатлением встречи с людьми, и ничего вокруг не замечал. Я в этот момент был «глух и нем» к окружающему, я был словно «не от мира сего» – только радость и счастье наполняли меня.

Однако кое-что заставило меня постепенно уменьшить свои восторги: рукопожатия встречающих становились всё слабее; объятия всё менее пылкими, и они всё чаще отводили взгляды в сторону.

И ещё я обратил внимание на их произвольные повороты голов в одну сторону, словно они смотрели на что-то, или на кого-то, нуу..., как-будто ожидали чьих-то указаний, что-ли, или боялись.

Я один-единственный раз, краем глаза, тоже посмотрел в ту сторону, и... мысленно пожал плечами – там, освещённые луной стояли, держа в руках трости, несколько человек. Они ничем не отличались от моих встречающих..., разве только одеждой.

Собственно, одежда их была просто другого покроя, и всё – не комбинезоны, а что-то в виде штанов с буфами и накидок на голом торсе. Были ли они обуты или нет, я не увидел... да, собственно, я и не смотрел на их ноги, до того ли мне было? Мне, главное, хотелось побольше насладиться общением с себе подобными, почувствовать их рядом, прикоснуться к ним. Какие уж тут ноги!

Но всё же..., по-моему, раньше их не было, Во всяком случае, я их не видел до тех пор, пока «мои» обнимались со мной, и не стали поворачивать головы в их сторону.

Да, точно, были только мои встречающие, а эти подошли позже, может..., когда я, радостный и счастливый, обнимался и пожимал руки.

Меня их присутствие не очень-то и взволновало. А вот поведение моих встречающих заинтриговало, и не просто заинтриговало, а даже озадачило.

Как так? Я же видел искренность улыбок, физически ощущал крепость ответных рукопожатий, и вдруг... всё это куда-то, словно по мановению волшебной палочки, исчезло.... Появилась какая-то напряжённость, скованность в движениях....

Непонятно и странно. Более, чем непонятно! Более, чем странно!

Мой мозг ещё не успел отреагировать на внешние изменения, а тело уже напряглось, приняло положение «стойки», словно легавая при встрече с медведем. Наверное, сказалась «тренировка» организма в плену у «тараканов». А то с какой бы это стати я почуял совершенно незаметные изменения в поведении встречающих.

Продолжая обнимать очередного рабочего я, приблизив рот к его уху, шёпотом спросил:
– Что случилось?

И в ответ, тоже шёпотом, услышал:

– Пришли надсмотрщики.

– Каааккие надсмотрщики? – бледнея от предчувствия приближающейся беды, проблеял я и непроизвольно поёжился

– Охранники лагеря. Ты уж извини, дружок, но мы тебе помочь не можем.... Мы рабы!

Ещё не закончив говорить, он сжал меня в своих объятиях, да так, что я не мог не только пошевелиться, но и дышать.

Куда уж мне, чуть ли не ежедневно терявшему по половине литра крови, сопротивляться! Как говорится – «тут уж не до жиру – быть бы живу»

Вот и я, чуть потрепыхавшись воробышком, вынужден был сдаться на его милость.

Остальные рабочие, словно повинувшись чьей-то команде, достали из карманов комбинезонов верёвки, и в одно мгновение «спеленали» меня вдоль и поперёк.

Это предательство с их стороны так возмутило меня, что я, в первое время, от растерянности, от изумления, от неожиданного, подлого коварства, даже слова вымолвить не мог. И только потом, когда до меня дошло, в какую ситуацию я снова вляпался, начал отчаянно пытаться освободиться от сковывающих меня пут..., но... было уже поздно «шашкой махать».

Меня подхватили и быстро, не успев я и глазом моргнуть, спустили по трапу и подтащили к охранникам.

Неизвестно откуда, скорее всего оно стояло с другой стороны шлюпки, и мне не было видно, подлетело странное сооружение, и остановилось рядом с охранниками и рабочими-предателями.

Я, глядя на них, даже зубами закрипел, так они мне были омерзительны.

Предатели! Сволочи! А ещё людьми называетесь! – вслух возмущался я. Но они, как стояли небольшой группой, не смешиваясь с охранниками, так и продолжали стоять. Только глаза их были опущены, и смотрели они не на меня, а были упёрты в землю.

Но, что я мог сделать – связанный, обессиленный, не понявший с кем имею дело, и... вообще...?

Чтобы до конца не растратить оставшиеся у меня, хоть и крохотные, силы, мне пришлось прекратить извиваться и пытаться освободиться от верёвок.

И, я притих!

Я только с ненавистью и презрением смотрел на пленителей, да тихо, не вслух, ругался. На какие-нибудь радикальные меры я пока был не способен – ни на физические, ни на, какие-то другие.

По небрежному взмаху руки одного из охранников, меня вновь подняли и, так, связанным, положили (хорошо хоть не бросили) в подлетевшую коробку. Охранники тоже забрались и, разместившись вокруг меня, вроде как задремали. Насчёт «задремали» я не особенно был уверен, но глаза-то они всё же закрыли.

А коробка вдруг «ожилась!». Я даже вначале и не понял, что с ней произошло. Но она вдруг изменилась..., да что там изменилась..., она превратилась... в... вертолёт! Да, в самый что ни на есть взаправдашний вертолёт. А мы – я и охранники, оказались внутри него..., правда, я лежал на полу, а они... сидели в мягких креслах.

У меня от изумления глаза сами собой на «лоб полезли», а рот принял форму бублика с дыркой посередине.

Винт бесшумно завертелся, и мы, плавно поднявшись метров на десять-пятнадцать над землёй, полетели.

Чу-де-саа...! Таких фокусов я ещё в жизни не видел! Вот это даа! – одновременно изумлялся и восхищался я.

Хоть и было мне чертовски плохо и неудобно лежать на жёстком полу вертолёта, но изумляться и восхищаться увиденным мне же никто не запретил. Правда ведь?

Вот я и изумлялся, и восхищался, насколько мне здоровье и лежащее в неудобной, скрюченной позе, тело позволяло.

* * *

Минут..., да, наверное, через семь-восемь, вертолёт приземлился на площадке перед двухэтажным, ни чем не примечательным, зданием.

Меня вынесли и, поставив на ноги, подтолкнули. Чтобы не упасть, я сделал шаг, затем, второй, и хотел уж было остановиться, но сильный тычок в подреберье «сказал» – не останавливайся, иди! И я вынужден был идти.

У «сильного» всегда «бессильный» должен исполнять то, что ему прикажут, если конечно он ещё надеется как-нибудь выкрутиться из неприятного положения – то есть, продолжить борьбу за выживание.

А именно это я и имел в виду (борьбу за выживание), когда меня поставили на ноги и «приказали» шевелить «ластами», то есть, идти куда приказано.

Я шёл достаточно медленно, но так, чтобы не получить новый удар по рёбрам, и шевелил, понятно не лапами, а мозгами. И посматривал украдкой по сторонам – на военном языке это называется – проводил рекогносцировку на местности, то есть присматривался на всякий случай. А, возможно и не так – я же военным наукам не обучен.

Находясь под конвоем всё тех же охранников, я толкнул входную дверь здания (хорошо, что она открывалась внутрь здания, а не наружу) иии..., мама моя родная!!! За столом сидел... таракан! Нет, не тот кровопивец, от которого я сбежал, а другой..., но очень похожий на первого!

За время сидения в плену я научился различать их. У них были мельчайшие, и сразу незаметные отличия, но были. Вот по этим мельчайшим отличиям и признакам я и понял, что передо мной другой «таракан».

Вся душа моя заледенела, а тело охватил какой-то озноб! Я был в ступоре! У меня, наверное, ноги приросли к полу, потому что я и шага сделать не мог, они не хотели двигаться.

Я стоял, моргал «глазами», и... молчал. Меня бросало то в жар, то в холод, а волосы, я прямо это чувствовал, шевелились на голове.

Господиии!

Прошло, не знаю, сколько времени, в молчании и разглядывании друг друга. «Таракан» пошевелил усами, и мои охранники вышли за дверь. Затем, с ним произошла метаморфоза прямо у меня на «глазах» – он встряхнулся и, теряя прежнее, тараканье обличье, превратился в элегантно одетого, молодого человека.

Это как...? Это... почему? Такого..., в принципе, не может быть! – суматошно забились мысли в моей голове. Такое только в кинофильмах бывает...!

– Вы, я вижу, удивлены? – произнёс молодой человек на чистейшем, моём, русском языке, и продолжил: «наши технологии далеко опередили Вас..., людей. Такие эффекты у Вас ещё только с помощью компьютерной графики возможны, а мы уже давно с этим... живём, привычка уже выработалась».

Какой там удивлён, хотел я ответить – я ошарашен! Но не смог. Язык мой прилип к гор-тани, а горло могло только сипеть, типа «ссс», а потом ещё «ссс», и всё.

Так и стояли мы друг против друга – он, в ожидании ответа, а я..., а я только сипел, да «глазами» моргал.

Наверное, мы представляли бы собой чудную, сюрреалистическую картину, если бы мне не было сейчас так страшно и обидно за напрасно потраченные усилия и нервы при побеге с летающей лаборатории-тюрьмы.

Ну, надо же – столько усилий..., столько надежд на обретение Свободы, и так....

Господи, когда же я избавлюсь от этих уродов? Ну, что тебе, Боже, стоит чуть-чуть помочь мне. Я так устал.... Мои силы и нервы на пределе – ещё немного и я не выдержу..., сдамся, откажусь от борьбы... – так думало моё слабое тело, так думал мой, до конца вымотанный, мозг.

А где-то в подсознании уже тлел зародыш, искорка *чего-то*. Я пока ещё не знал *чего*. Но он, зародыш, настолько малый по размеру, как, например, инфузория-туфелька, или даже ещё меньше – как атом, но он уже начал тревожить меня, тревожить мой разум.

– Ааа..., где... другие... пассажиры с... самолёта? – наверное, прошептал я, а вероятнее всего, подумал.

И ответ сразу же воспроизвёлся в моей голове.

– О них не беспокойся. Они..., самолёт благополучно приземлился в аэропорту «Внуково»...

Не дослушав до конца, я встревожено воскликнул:

– Но я-то не прилетел! Меня будут искать..., уже ищут...!

– Никто тебя не ищет, писатель. Ты прилетел..., прошёл таможенный контроль....

– Ааа...?

– Да не парься ты...

Опережая мой вопрос, зазвучал ответ в моей голове, и даже цветные картинки замелькали у меня перед глазами.

...тебя сбила неустановленная машина, и тебя уже похоронили...

И мгновенно я увидел себя переходящим улицу возле своего дома. В руках у меня были дипломат и букет алых, вперемешку с белыми, роз (любимых цветов жены), и мчащийся на большой скорости автомобиль...

Эту картинку быстро сменила другая – я увидел свои похороны...

Господи, за что? За что ты так...? В чём я провинился перед тобой? – застонал я, и от несправедливости судьбы что-ли, или от злости на этих..., этих, я даже не мог сразу подобрать необходимое слово. Наконец сообразил – этим... тварям и, наконец-то обретя голос, заорал:

– Что Вам от меня надо, ублюдки, кровопийцы?! Я лучше погибну от ваших пыток, чем покорюсь и стану рабом ваших экспериментов...!!!

Инопланетянин, вновь неуловимо изменился. Он принял облик человека..., облик моего издателя и, с язвительной улыбкой искривившихся губ, издевательским тоном проговорил:

– Вот такой ты нам и нужен – задиристый, непокорный, готовый биться за свою жизнь до конца.

– Но..., зачем?

На этот, не совсем корректный вопрос, я всё же отвечу тебе.

– Люди, по природе своей, свободолюбивые особи. Они ненавидят рабство в любых его проявлениях..., не признают законы, противоречащие их пониманию справедливости и, доведённые до крайней черты – восстают. Они стремятся освободиться от ненавистного ига, и ищут любые возможности, чтобы свергнуть тиранов или сбежать от них.

– Ноо..., я-то здесь причём? Зачем меня...

– В тебе с рождения заложен сильный бунтарский дух, и ты, пример передо мной, постараешься сбежать, или... поднять восстание, чтобы нас уничтожить.

– Ноо..., если так..., то...

– Ты хочешь спросить – зачем же ты нам *такой* нужен? Не проще ли тебя сразу уничтожить?

– Да.

– Ты попытаешься любыми способами сбежать. То есть, ты будешь искать любую лазейку в нашей защите, любую ошибку в нашей обороне, а мы..., мы будем...

Он, вдруг осёкшись, замолчал, и подозрительно взглянул на меня.

Из его пространной речи я понял лишь одно – я пленник, а для своей семьи давно мёртв и похоронен. Значит, я никому уже не нужен..., со мной морально покончено.

От такой мысли у меня даже на мгновение пропал интерес к жизни.

Зачем, кому нужно моё существование, если я никому не нужен? – подумал я. Ни дома, ни семьи..., лишь жалкое подобие жизни...

Я представил себе картину будущего своего, и приуныл, настроение резко ухудшилось. Я уже готов был попросить таракана, чтобы меня тут же, не сходя с места, прикончили, прервали мою юдоль горьких слёз и стенаний. Я готов был, словно потерявший стаю одинокий волк, завывать от горя. Я готов был... Господи, сейчас я готов был на всё, лишь бы прекратилось моё существование.

Но видимо так уж у нас, человеков, заложено (а может это Всевышнее Божество так расстаралось), мы не можем вот так, запросто, не за понюх табака, расстаться с бранным своим существованием – что-то сопротивляется в нас, что-то противится.

Такое же состояние посетило и меня. Что-то во мне воспротивилось скоропостижной смерти, и я ещё подумал, а почему эта тварь будет преспокойно наслаждаться жизнью, а я нет? Почему? Да я...

И замолк, вспомнив, что эти твари владеют даром мыслеречи, то есть, я перестал думать о чём-либо, постарался отключить свой мозг от любых эмоций.

По-видимому, Таракан уловил моё настроение, и насмешливая улыбка появилась на его лице. Презрительно усмехнувшись, он как-бы решил подвести итог нашему диалогу:

– Вот видишь, я прав.

– Ни фига ты не прав, – мысленно сопротивляясь его выводу о нас, ответил я, – ты прав только в одном – Человек существо, действительно, свободолюбивое, а вот я – я слабый, ничёмный человек. У меня ничего ценного в жизни не осталось – ни семьи, ни жены, ни детей. Мне теперь всё по-фигу – что продолжать жить, что умереть. Ты можешь приказать бросить меня в темницу или сделать рабом.... Да пошёл ты! Буду я ещё с тобой лясы точить, мразь!

Я специально так говорил, и даже вслух, я так говорил, чтобы его разозлить, чтобы он понял – я ничего не боюсь, и мне начхать с высокой колокольни на его умозаключения. И ещё я так говорил, потому что уже знал – что бы со мной впоследствии не случилось, я всё равно сбегу!

А он слушал мою сумбурную речь, и улыбка не покидала его лица. Он, паразит, понял всё-таки по моим словам и выражениям, что он «достал» меня, довёл меня до холодного каления, и что я приложу все силы, чтобы сбежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.